

и расширение образовательной рыночной экспансии. Интенсивность и качество такой политики зависят от личностного ресурса и инициативности руководства. Это справедливо и для руководителей факультетов.

Целевая форма набора положительно позиционируется – с оговорками – только уровнем руководства вузов и как ненужный балласт – уровнем факультетов. Целевой набор оценивается всеми группами экспертов как положительный и перспективный только в идеале;

в сегодняшних условиях он оценивается экспертами как неэффективный в силу нестабильности на рынке труда и в экономике в целом.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что однозначно ответить на вынесенный в заголовок вопрос весьма трудно. Ситуация носит двойственный характер, хотя ясно, что о мотивированной, согласованной и эффективной политике трудоустройства говорить вряд ли можно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. *Общество риска: На пути к новому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. *Белая книга российского образования*. В 2 ч. М.: Изд-во МЭСИ, 2000. 384 с.
3. Овсянников А.А. Система образования в России и образование России // Мир России. Сер. «Социология и этнология». 1999. № 3. С. 73–132.
4. Поправко Н.В. Методологические проблемы мониторинга «вертикализации» вузов в современном образовательном пространстве // Социальное знание в поисках идентичности. Томск: Водолей, 1999. С. 152–156.

Статья представлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 27 февраля 2004 г.

УДК: 321

В.И. Постол

УНИВЕРСИТЕТ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы демократизации российского общества. Главный тезис статьи сводится к тому, что в современных условиях центром формирования демократической субкультуры становится университет. Как демократический социальный институт он призван выполнять двусмысленную задачу: обеспечивать прирост «нового» человеческого потенциала (тип навыков, набор знаний) и способствовать созданию соответствующих условий для надлежащего использования этого потенциала. Университет – это ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества, его миссия заключается в гуманитарном консультировании стратегии инновационного развития.

В ходе «третьей волны» демократизации около ста стран в различных регионах мира начали движение от авторитарного правления к демократическому. Аналитической конструкцией, которая позволяла бы изучать текущие политические события и адекватно на них реагировать, стала модель демократического транзита. Промоутеры (promoters) демократии расширили ее до универсальной парадигмы демократизации. Согласно парадигме транзита, демократизация стран,двигающихся от авторитаризма, включает три фазы: открытие, прорыв, консолидацию [1. С. 45].

Однако не более двадцати стран сумели выбраться из концептуального котла парадигмы транзита, остальные все еще пребывают в так называемой «серой зоне», которая демонстрирует огромное разнообразие политических образцов (patterns). Иными словами, в странах развивающегося и посткоммунистического мира консолидированная демократия далеко не всегда выступает в качестве конечного пункта перехода. Т. Карозерс, провозгласивший конец парадигмы транзита, выделяет два устойчивых политических синдрома, характерных для серой зоны: синдром бесплодного плюрализма (feckless pluralism) и синдром режима доминирующей власти (dominant-power politics). Эти синдромы обладают определенной стабильностью. Страны, попавшие в серую зону, обычно перемещаются или из одной конфигурации в другую, или из любой из них – к либеральной демократии либо к диктатуре [1. С. 48–55]. Следуя утверждению А. Эйнштейна, что проблемы нельзя решить в рамках тех понятий, которые их породили, можно дать рекуррентное объяснение факту большой инерционности «старого». Рекуррентный одношаговый принцип (принцип возвратной последова-

тельности) состоит в принятии в качестве постулатов свойств и взаимодействий систем непосредственно нижестоящего уровня и вывода из них свойств систем данного уровня. При восхождении на следующий иерархический уровень система предшествующего уровня делается элементом нового уровня, при этом принципы поведения, впервые обнаруженные у систем данного уровня, продолжают сохраняться и у систем более высокого уровня, хотя определяющим в поведении системы оказывается принцип, впервые обнаруженный на ее уровне сложности [2. С. 21–22].

Существует закон социальной регенерации: если социальная система рушится, остается человеческий материал, и когда устанавливается новая социальная система, она становится максимально близкой к предшествующей. Если российская политическая система действительно озабочена укреплением демократии, она должна способствовать формированию «нового» человеческого потенциала. Перед современным российским обществом стоит задача формирования демократической субкультуры, и основным проводником влияния здесь должен стать университет, выполняющий в постиндустриальном обществе роль ключевого социокультурного центра.

ПАРАМЕТРЫ КУЛЬТУРЫ ОБУЧЕНИЯ

Двадцатый век завершился отказом от технократической идеологии. В структуре научно-технического прогресса резко усилились роль и значение интеллектуальной составляющей. В современных условиях наука и образование оказываются в центре сферы политического регулирования общественных процессов. Новая тенденция зафиксирована в таких системных терми-

нах, как «информационное общество», «инновационная экономика», «экономика, основанная на знании», «общество, основанное на знании».

Идею «экономики и общества, основанных на знании» страны Европейского Союза перевели из сферы политических и научных дискуссий в сферу стратегического планирования и практических действий. В программе, принятой на встрече в Лиссабоне, были сформулированы основы новой европейской научно-инновационной политики. Существенно, что научная политика трактуется не как политика определенной отрасли, а как инструмент развития всей совокупности отношений на европейском пространстве [3. С. 4–8].

Следует сказать, что современный российский научно-технологический комплекс развивается в русле европейской инновационной политики. Политическим руководством страны поставлена задача формирования полноценной инновационной политики государства [4. С. 3]. Для реализации этой задачи имеются перспективные заделы: сегодня в России действует более 60 технологических парков, функционирует более 50 инновационно-технологических центров. Одновременно формируется система консалтинговых инжиниринг-фирм, разворачивается сеть венчурных фондов, ориентированных исключительно на сферу высоких технологий. Высказываются предложения о придании этим научно-технологическим паркам, инновационным поясам вокруг научных центров статуса особых экономических зон [5. С. 5]. Иными словами, идея «экономики и общества, основанных на знании» получает в России площадку для диалога заинтересованных групп. Однако акцент здесь все же делается на идее «экономики, основанной на знании». Для реализации идеи «общества, основанного на знании» требуется усиление в этом инновационном процессе университетской составляющей.

Человеческий капитал (ресурсы знаний) – это продукт системы образования. Инновационная стратегия в данной сфере сводится к следующей формулировке: «Разрабатывать оригинальные политические решения и быстро обучаться» [3. С. 7]. Согласно Болонской декларации, выпускники вузов должны быть обеспечены необходимым уровнем компетентности для ответа вызовам нового тысячелетия: осознание общности ценностей; чувство принадлежности к единому социальному и культурному пространству [6. С. 30]. Студенты должны приобретать не только особые квалификации – широкие профессиональные основные знания, способность вести поиск в различных областях и т.д., но и общие «ключевые квалификации» – способность к коммуникации, способность к работе в коллективе, самоорганизация, компетентность в работе со средствами массовой информации [7. С. 116]. Практика современного производства и общественной жизни предполагает сотрудничество лиц разных национальных культур. Это же относится и к образовательным учреждениям, где взаимодействие по модели «конкуренция» все чаще дополняется и замещается взаимодействием по модели «кооперация».

Образовательная культура не является характерной особенностью одного человека. Она представлена поведением группы людей с одинаковым образованием и жизненным опытом и складывается из сочетания раз-

личных факторов. Г. Хофстеде определил культуру как коллективное ментальное программирование населения в окружающей среде. При этом он отражал культурный стиль жизни через следующий ряд индексов: индивидуализм – коллективизм; дистанция власти; уход от неопределенности; маскулинность – женственность.

Изыскания научной группы Г. Хофстеде выявили существенные отличия образовательной культуры в современной России от образовательной культуры в Старом Свете. Так, для российской образовательной культуры характерны следующие показатели: высокий индекс дистанции власти; высокий индекс ухода от риска; высокий индекс коллективизма в сочетании с единственным экстремальным индивидуализмом; высокий индекс маскулинности.

Высокий индекс дистанции власти означает, что педагог является центром учебного процесса, у студентов присутствует чувство сильной зависимости от педагога даже на старших курсах. В процессе обучения доминируют инструктивистские, а не конструктивистские модели преподавания.

Высокий индекс ухода от риска означает, что студенты ощущают себя более комфортно в хорошо структурированном образовательном процессе. От преподавателей ожидают полных инструкций во всех действиях. Основными формами обучения являются лекции и семинарские занятия. Студенты предпочитают, чтобы все темы дисциплины были раскрыты на лекциях, поскольку для самостоятельной работы вне занятий у студентов остается очень мало времени.

Высокий индекс коллективизма означает превалирование интересов группы над интересами индивида. При этом достаточно часты случаи экстремального индивидуализма, обусловленного тем, что для большинства студентов преобладающими являются цели индивидуального роста и развития. Работа в команде не является широко распространенной формой обучения.

Высокий индекс маскулинности выражается в поддержке и продвижении сильных и успешных студентов. Слабым студентам уделяется значительно меньше внимания. Решения нередко принимаются без серьезного обсуждения и планирования, исходя исключительно из воли лидера [8. С. 301–304].

Культура обучения является важнейшим условием достижения различных целей образования, как академических, так и целей по выработке навыков решения проблем и индивидуального развития. Владение навыками кооперации – важное условие формирования гражданина демократического общества. Социальный аспект является ключевым элементом обучающего процесса. Новое знание приходит в динамике социального взаимодействия. Свидетельством этому может служить опыт реализации образовательной программы по международному бизнесу, когда проект с экспортно-ориентированной фирмой становится главным обучающим инструментом.

Данный тип активного обучения предполагает создание учебной ситуации с реальной проблемой реальной организации в реальном окружении. Проблемное обучение основано на действиях по разрешению конкретных проблем, а не на простом накоплении знаний по предмету [8. С. 294]. При таком подходе гуманитарное образование все больше связывается с жизнью.

Университет как демократический социальный институт призван выполнять двудединую задачу: обеспечивать прирост «нового» человеческого потенциала (тип навыков, набор знаний), а также способствовать созданию соответствующих условий для надлежащего использования этого потенциала. Университет – это ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества, его миссия заключается в гуманитарном консультировании стратегии развития [9. С. 231–233].

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Любая нормативная теория демократии предполагает наличие той или иной модели общества. В области социальной теории российские исследователи обычно используют существующие западные концепты. Абсолютное большинство социальных исследователей разделяют общес заключение, что «западные теории должны адаптироваться к российским реалиям» [10. С. 188]. Однако при этом возникает проблема выбора подходящих аналитических инструментов. В том виде, в котором демократия обычно понимается, она отражает проблемы XX в., но плохо приспособлена для решения проблем XXI в. Ее модели взаимодействия были направлены не столько на достижение консенсуса, сколько на достижение победы над противниками [11. С. 3–4]. Поэтому не следует воспринимать западные модели демократии в качестве законченных образцов для подражания.

Не существует единой, универсальной демократической теории, одинаково эффективной везде и всегда. Имеется лишь множество внутренне связанных между собой концепций, обобщений, классификаций, моделей демократических процессов, институтов, поведения и отношений. Поэтому каждая из теорий демократии должна рассматриваться в контексте конкретной ситуации, в которой она реализуется. Более того, в условиях формирования нового мирового порядка, глобального информационного общества характерной чертой современной общественной мысли и практики становится выработка новых ориентиров демократизации.

Современности присущи две взаимодополняющие, но одновременно потенциально противоречащие друг другу версии либеральной демократии: процессуальная и субстанциональная [12. С. 356–363]. Процессуальная демократия смешивается с процедурами, с правилами игры, которые позволяют управлять человеческим действием. Субстанциональная демократия базируется на осознании общей судьбы, общей памяти, на разделяемых многими ориентирах. В соответствии с субстанциональной версией правил игры недостаточно, чтобы создать демократическое сообщество. Демократический режим может найти свое правильное выражение лишь в рамках сообщества, где формирование значимой для коллектива воли осуществляется на уровне «микродемократии» – в рамках различных контекстов гражданского общества.

Здесь можно использовать аналогию с «бифуркациями», которые изучаются в неравновесной физике. Событие имеет «микроструктуру». Именно эта структура (флуктуация) на микроуровне ответственна за выбор той ветви, которая возникнет после точки бифуркации. Бифуркации появляются в тех точках, где траектория движения системы разделяется на «ветви».

При этом равно возможны все ветви, но будет осуществлена только одна из них. Флуктуации являются следствием индивидуальных действий [13. С. 15–21]. «Мир есть конструкция, в построении которой мы все можем принимать участие» [13. С. 17]. Следует инициировать флуктуации, которые придадут предпочтительное направление течению событий.

В свете указанного выше подхода становится актуальной концепция делиберативной демократии. На протяжении ряда лет эта концепция находилась на периферии демократической теории и практики. Концепция делиберативной демократии была девиантной (отклоняющейся, здесь – семантически не вполне корректной в соответствующем естественном языке). То, что считать девиантным, обычно определяется контекстом, который включает и состояние нашего знания. С развитием новых научных теорий постоянно происходит то, что предложения, которые прежде были девиантными, входят в употребление. При этом не слова приобретают новые значения, а старые значения слов обусловливают (*determine*) новый способ их употребления с учетом нового контекста [14. С. 42–43]. Об изменении контекста, в частности, свидетельствует пересмотренное понятие политического. Если раньше оно лежало в бинарной оппозиции «друг и враг» и было равно постоянному состоянию войны против внешних и внутренних врагов, то сегодня его интерпретируют не только как прямое действие, но также как дискуссию и теоретическую активность [15. С. 465–468].

Делиберативное пространство – это пространство общественной жизни, в котором происходит обсуждение идей, согласование интересов, поиски компромиссов и т. п. Здесь осуществляется взаимодействие между структурами государственной власти и относительно слабо структурированным обществом. Ю. Хабермас считал такое взаимодействие решающим условием возможности позитивных ответов государства и общества на вызовы времени. Делиберативная демократия озабочена скорее трансформированием, нежели агрегированием предпочтений (последнее обычно является главной функцией существующих институтов участия). Смысл демократического участия состоит скорее в том, чтобы общее благо выработать, нежели в том, чтобы в процессе такого участия его обнаружить. Идея заключается в том, чтобы вывести граждан «за пределы демократии противоборства», вырваться из мыльной оперы добывания электоральных преимуществ [16]. Результатом может стать более вдумчивый и эффективный политический выбор. Люди отдают предпочтение диалогу, а не дебатам. Они хотят принять совместное решение о том, как им действовать в качестве общности. «Там, где речь идет об изменении самого характера системы, общественность не может позволить себе ждать, пока ее убедят в чем-либо. Она должна проявлять активность в том, что касается выработки собственных представлений о проблемах, стоящих перед страной» [11. С. 32].

Как свидетельствует опыт переходов к демократии, в либерализованных авторитарных государствах гражданское общество приходит в движение не сразу, а «слоем за слоем». Различные группы, ассоциации и организации мобилизуются друг за другом, не сливаясь при этом в еди-

ную массу, как это случилось в предшествующий «популистский» период. Форумы гражданского общества являются уже не «массовыми», а «публичными», составляя в совокупности новую среду, позволяющую улучшить качество вовлечения граждан в демократический процесс [17. С. 81–82]. При формировании предпочтений внутри гражданского общества для получения более разумных результатов не имеет смысла требовать более широкого участия. Вместо этого некоторые исследователи предлагают найти более утонченный и более осмысленный способ формирования мотивов и требований в рамках уже существующих видов коммуникации [18. С. 236]. В связи с этим можно воспользоваться гипотезой Х. Патнэма об универсальном разделении лингвистического труда.

Лингвистическое сообщество рассматривается Патнэмом как «коллективное тело», которому свойственно разделение «труда» на виды, связанные со знанием и использованием различных аспектов «значения» слова. В любом таком сообществе используется хотя бы несколько терминов, с которыми связаны «критерии», известные только одной подгруппе носителей языка. Использование этих терминов остальными людьми предполагает их сотрудничество с носителями языка из соответствующих подгрупп. В случае сомнения другие люди могли бы положиться на суждения этих «экспертов». Таким образом, способом распознавания, которым владеет этот особый подкласс носителей языка, овладеет и все лингвистическое сообщество, хотя отнюдь не всякий индивидуальный представитель этого сообщества умеет его применять.

В результате специальные значения слова становятся частью его общественного значения, или «принятым употреблением» [12. С. 180–181]. Иными словами, в системе «мышление – язык – общество», «общество – язык – мышление» станут возможны «перекрестные рекурсии», когда процесс накопления изменений может происходить в одной системе и «вдруг» – проявлять себя в другой [19]. Проводники влияния здесь – демократические ассоциации и свободные дискуссии в интеллектуальных кругах, позволяющие открыто рассуждать об общественных делах и публично выступать в защиту обоснованных интересов. Публичные дискурсы призваны способствовать установлению связи абстрактных научных категорий с миром повседневности и непосредственного знания.

Хорошо функционирующая демократия не может стать результатом спонтанного развития. Для ее установления требуются энергичные и просвещенные усилия. Сложность социального и политического мира, в котором мы живем, предопределяет выдвижение инновационных структур науки и образования на передовые рубежи демократизации. С превращением университета в центр формирования демократической субкультуры станет возможным постоянное рефлексизирующее обучение демократическим предпочтениям. В результате источником легитимности демократии станет процесс ее формирования, а не предпочтения, предопределяемого волей отдельных людей. Тем самым будут созданы условия, при которых демократия в России не сможет иметь каких-либо легитимных альтернатив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карозерс Т. Конеч парадигмы транзита // Политическая наука: Политическое развитие и модернизация. Современные исследования. Сб. науч. тр. М., 2003.
2. Флейшман Б.С. Основы системологии. М., 1982.
3. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Аналитический доклад. М., 2003.
4. Поиск. 2004. № 8 (770).
5. Садовничий В. Нужны неординарные решения // Поиск. 2004. № 6 (768).
6. Майер Г. Система согласования квалификаций на международном уровне – смена парадигм посредством «European-Credit-Transfer-System» (ECTS)? – Power Point-презентация // Системы высшего гуманитарного образования в международном сравнении: обучение в Европейском Союзе (Германия, Франция, Великобритания, США, Россия, Украина) Материалы международной информационной конференции Барнаул. 2003.
7. Майер Г. «Бохумская модель» – ступенчатый курс обучения на получение степени бакалавра/магистра по предмету «История». Power Point-презентация // Там же.
8. Колесникова М.Ф., Квам Р., Энстенад Н.А. Проблемное обучение в кросскультурном измерении // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. М., 2002.
9. Ценности гражданского общества: Ведомости. Вып. 23. Тюмень, 2003.
10. Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М., 2001.
11. Демократия – это обмен мнениями. Участие граждан в делах общества в старых и новых демократических государствах. Справочник. Нью-Йорк-Лондон, 1997.
12. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. Пер. с фр. М., 2002.
13. Пригожин И. Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
14. Патнэм Х. Философия сознания. Пер. с англ. М., 1999.
15. Хеллер А. Пересмотренное понятие политического // Современная политическая теория. Пер. с англ. М., 2001.
16. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2001/3/2.htm>
17. Козн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М., 2003.
18. Оффе К., Пройс У.К. Демократические институты и моральные ресурсы // Современная политическая теория. Пер. с англ. М., 2001.
19. Мышление и язык как рекуррентные модели мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kureda.narod.ru/docs/pm.htm>

Статья представлена кафедрой политологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 9 марта 2004 г.